

Евгений Карнович

Польское посольство во Францию

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Польское посольство во Францию

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Настоящий рассказ наш относится к 1645 году. В это время сидел на польском престоле король Владислав IV, которому представлялась некогда возможность царствовать на Москве. Королю Владиславу было в эту пору около пятидесяти лет. Давно была ему пора жениться, – и он, наконец, после разных соображений, решился предложить свою руку принцессе Марии-Людвике Мантуанской, жившей при дворе регентши Франции, Анны Австрийской, матери малолетнего короля Людовика XIV...»

Евгений Петрович Карнович Польское посольство во Францию

Настоящий рассказ наш относится к 1645 году. В это время сидел на польском престоле король Владислав IV, которому представлялась некогда возможность царствовать на Москве. Королю Владиславу было в эту пору около пятидесяти лет. Давно была ему пора жениться, – и он, наконец, после разных соображений, решился предложить свою руку принцессе Марии-Людовике Мантуанской, жившей при дворе регентши Франции, Анны Австрийской, матери малолетнего короля Людовика XIV.

Сватовство польского короля к принцессе началось при посредстве ловкого и расторопного ксёндза Ронкони, бывшего польским резидентом в Париже. Когда дело о браке было улажено частным образом, то Владиславу нужно было попросить формально руки принцессы. Король исполнил это через особенного посла; а французский двор дал на

предложение Владислава своё согласие. Теперь оставалось только королю отправить в Париж чрезвычайного посла, который, как представитель королевской особы, должен был обвенчаться в Париже с Марией-Людовикой и привезти её в Варшаву.

В эту пору, денежные дела короля Владислава, вследствие войн с Москвою, Швецией и Турцией, были очень плохи. Даже самый брак короля с принцессой Мантуанской был не без финансовых расчётов с его стороны. Король знал, что, женившись на богатой принцессе, он мог легко занять, на счёт её приданного, до 600.000 злотых, а этим займом он надеялся кое-как поправить свои расстроенные обстоятельства. Нужно было только Владиславу выбрать такого знатного и богатого польского магната, который бы мог быть достойным представителем польского короля при пышном парижском дворе.

Такой выбор магната, для доставки им королевской невесты из Парижа в Варшаву, сильно затруднял Владислава IV, – не потому, однако, чтобы в тогдашней Польше не нашлось таких людей, которые, по своему уму и

по своему образованию, не могли бы с честью явиться в Париже. Это обстоятельство не могло затруднять Владислава, так как ещё за столет до той поры, сама королева Елизавета отдавала в Лондоне справедливость учёности и разуму польских послов. В настоящем случае встречалось затруднение совсем другого рода.

В ту пору значение магнатов в Польше было слишком сильно; при малейшем неудовольствии, при размолвке с королём из-за какой-нибудь безделицы, они прекращали с ним сношения и тогда трудновато было королю сойтись с своим недругом. Между тем Владислав IV был в постоянном раздоре с большей частью магнатов. Те же из них, которые были близки к нему и которые, по своему имени и образованию, могли бы явиться достойными его представителями в Париже, не были так богаты, чтоб могли показаться в столице Франции с подобающим блеском и с ослепительным великолепием, как этого требовала важная цель посольства. Король же, как мы сказали, находился сам в затруднительном положении по денежной части до такой степени, что иногда и на дворцовой

кухне оказывался недостаток в съестных припасах. Вследствие этого Владислав не мог дать от себя своему представителю огромных денежных средств, которые однако были необходимы в настоящем случае.

Не оставалось Владиславу ничего более, как сблизиться с кем-нибудь из магнатов; и выбор короля, после долгих колебаний, пал наконец на воеводу познанского, Криштофа Опалинского, считавшегося в то время одним из первых богачей во всей Польше. Остановившись в своём выборе на пане Криштофе, король не был однако вполне уверен в успехе. Богатый воевода, хотя и жил чрезвычайно роскошно, но к прискорбию короля был крепок на деньгú в некоторых случаях, а между тем предлагаемая Опалинскому честь – привезти в Польшу королеву – могла расстроить всё его состояние, как бы громадно оно ни было.

Король решился однако попытать счастья и вступить в переговоры с Опалинским.

В это время была не занята важная должность коронного маршала; Владислав предложил эту должность Опалинскому с тем, чтобы

он съездил на свой счёт в Париж и привёз ему оттуда невесту; и кроме того в общих словах пообещал ему весьма почётное звание маршала при будущей королеве. Делая такое лестное предложение пану Криштофу, король не мог впрочем надеяться, что дело между ним и неподатливым Опалинским покончится без новых затруднений. В ту пору случилось очень часто, что магнаты, получая королевское предложение – занять какую-нибудь высокую должность, принимали её не иначе, как постановив с своей стороны какие-либо особые условия. У Владислава был ещё в свежей памяти тот обидный для него случай, когда он незадолго перед этим предложил воеводе познанскому, Станиславу Любомирскому, звание краковского каштеляна и как тот соглашался принять эту первую светскую должность во всём королевстве, с тем только уговором, чтобы младшему его сыну было пожаловано богатое старóство краковское. Король не мог этого сделать, так как подобная отдача была бы противна определениям сейма, но Любомирский настаивал на своём и дело кончилось тем, что слишком требователь-

ный воевода отказался от высокого сана, предложенного ему королём.

Владислав опасался, что и пан Криштоф, вдобавок к сделанным ему предложениям со стороны короля, присоединит ещё свои собственные условия.

У Опалинского была однако слабость ко двору. Владислав воспользовался этим; он исподволь повёл с ним дело через людей посторонних, обещая пану Криштофу, кроме двух маршалств, ещё богатые старóства. Воевода не устоял, и поддавшись этим искушениям решился поехать в Париж за королевской невестой.

Опалинский стал готовиться к отъезду.

Надобно заметить, что пан Криштоф отправлялся в край уже хорошо знакомый полякам. Ещё Мария-Людовика не сидела на польском престоле, а уж поляки превосходно знали Францию, её язык, её нравы и обычаи. Большею частью польские вельможи того времени проводили свою молодость в Париже и нередко даже служили при французском дворе. Так, тогдашний великий гетман Потоцкий был в юности пажом Генриха IV, а вели-

кий канцлер литовский Альберт Радзивилл пользовался в своей юности особенной благосклонностью короля Людовика XIII. Бывший же в то время краковским воеводой Якуб Собеский всю свою молодость провёл в Париже и туда же отправил своих молодых сыновей.

Впрочем не одни только светские сановники, но даже и высшие духовные лица были хорошо знакомы с Францией, а в числе их был и архиепископ гнезненский Станислав Лещинский, примас королевства.

Вообще же в Париже было в то время много поляков, которые не только что ловко служили при королевском дворе в пышных залах, но и храбро сражались под французскими знамёнами, желая своими военными подвигами или составить себе громкое имя, или поддержать боевую знаменитость своих предков.

Опалинский был назначен главным послом, так как он был представителем короля. Другими же послами, отправившимися вместе с ним, были его близкие родственники: воевода поморский Денгоф и епископ варминский Вацлав Лещинский. Из них первый

должен был подписать в Париже брачный контракт между Владиславом и Марией-Людовикой, уже подписанный в Варшаве самим Владиславом и французским посланником при польском дворе.

В начале сентября 1645 года, Денгоф отправился морем во Францию из Данцига, а в конце сентября того же года выехали из Варшавы в Париж воевода познанский и епископ варминский. Тщеславность и огромные богатства Опалинского ручались за то, что он, взявшись быть в Париже представителем короля, исполнит это с той пышностью, которая поражит французов. Нельзя было сомневаться, что пан Криштоф, живший у себя в Серакове с большим великолепием, ещё великолепнее покажет себя на чужой стороне.

Действительно, Опалинский отправился во Францию не только забрав всех шляхтичей, служивших у него в Серакове, а также и своих ближайших родственников, но и увеличив свою свиту множеством наёмных слуг. Кроме того воевода взял с собою три хоругви, т. е. три отряда – два пеших и один конный. С воеводой поехали в Париж: маршáлок его

двора, два конюших, медик, родом немец, секретарь, барон Вольцоген, духовник и учёный монах бернардинского ордена. Кроме того, за каждым из родственников воеводы познанского ехала собственная их, тоже огромная, прислуга. Посольство сопровождалось множеством коней, повозок и колымаг. Из всего этого составила такая громадная ватага, что посольство, при выезде из Варшавы, должно было разделиться на две части и отправиться в Париж разными дорогами для того, чтоб избежать тесноты в тех местах, где нужно было послам останавливаться для отдыха.

В числе коней, следовавших за послами, было много превосходных турецких лошадей, копыта которых в день въезда послов в Париж должны были быть украшены серебряными и золотыми подковами. Множество великолепных колымаг, обитых золотом, бархатом и шёлковыми материями, и взятых послами в Париж, отличалось таким богатством отделки, что даже самые роскошные экипажи тогдашнего французского двора должны были показаться, в сравнении с посольскими колымагами, не более как только простыми по-

возками. Трудно было перечислить золотую и серебряную посуду, которую везли с собой во Францию польский воевода и польский епископ, не говоря уже о множестве драгоценных камней, редких мехов и богатых шёлковых материй, забранных ими из Варшавы.

Для бóльшей пышности и сообразно с обычаями того края, в который ехало польское посольство, члены его украсили себя почётными дворянскими титулами, взятыми ими только на время. Известно, что конституция 1638 года не позволяла польской шляхте, для поддержания среди неё равенства, носить на родине графские или княжеские титулы; однако, при поездке за границу дело было совсем другое. Каждый шляхтич мог величать себя как ему было угодно. При настоящей же поездке воевода Денгоф титуловался князем, епископ Лещинский и два члена посольства – титуловались графами. Наконец даже сам Опалинский, этот ревнитель шляхетского равенства и преследователь пустых титулов, не отказался назваться на этот раз графом Бнинским.

В то время когда воевода Денгоф ехал мо-

рем около берегов Дании, Опалинский, с огромным обозом, медленно тянулся в Францию сухим путём, чрез Германию, удивляя немцев своим поездом. Спустя месяц после выезда Опалинского из Варшавы, обе части посольства съехали в Любеке и отсюда оба польские посла, через Голландию, во второй половине октября, приехали в Париж. С особенным удовольствием узнали они, что двор ещё не переехал на зимнее житьё в столицу и что по этому они могут дать несколько дней отдыха и людям и коням для того, чтобы въехать в Париж во всём блеске.

Торжественный въезд польских послов был назначен на 29-е октября.

По рассказам французских мемуаров того времени, случай этот был одним из самых замечательных событий, совершившихся в тогдашнем Париже. Для того, чтоб дать французам посмотреть хорошенько такую небывалую диковинку, послов просили въехать в Париж в воскресенье и при том около полудня. Опалинский охотно принял это предложение, и в назначенный день потянулся по улицам Парижа его длинный поезд. И хозяева и гости

старались в этот день превзойти друг друга щёгольством и пышностью, но в настоящем случае и французы и поляки поразили друг друга резко противоположностью своих вкусов. Поляки до такой степени изумили своим богатством и своей тяжёлой восточною роскошью, что тогдашние французские учёные пустились в серьёзные розыскания о том, не происходят ли приехавшие к ним издалика гости от мидян и древних персов, которые оставили в истории память о своих диковинных, почти баснословных богатствах. В свою очередь, поляки, напротив, дивились бедности французов. В глазах поляков, привыкших ко множеству драгоценных камней, к массивным серебряным и золотым изделиям, все принадлежности щёгольских французских нарядов: банты, ленты, шитьё, перья и кружева, которыми так тщеславились французы, казались никуда негодными тряпками. Спутники Опалинского даже дивились между собою тому, как можно было выставлять напоказ такие безделушки перед иностранными гостями.

Поляки въехали в Париж через предместье

св. Антония. Здесь во дворце Рамбулье ожидал их герцог д'Эльбёф с двенадцатью придворными чиновниками. Здесь же Опалинский поставил в порядок свой поезд, который под предводительством французского церемониймейстера двинулся в самый Париж.

Шествие открывалось пешей хоругвью воеводы познанского. Перед ней, на превосходном коне чистокровной турецкой породы, ехал начальник воеводской хоругви, в жёлтом атласном жупане, в пунцовой шёлковой ферязи, подшитой дорогими соболями. Соболя шапка ротмистра с золотой тульёй была украшена дорогой пряжкой из рубина и белыми страусовыми перьями; ножны его сабли были густо усажены бирюзой. Седло и чапрак были вышиты золотом, а стремяна и вся отделка сбруи были серебряные. За хоругвью шли 30 человек пехоты в жупанах из красного сукна и в таких же плащах, у каждого пехотинца было на плаще по восьми больших серебряных пуговиц; серебряные ножи, секиры и мушкеты на плече составляли вооружение этого отряда.

Было бы слишком долго описывать в по-

дробности всю пестроту и всё великолепие посольского поезда, который перемежался с отрядами конной французской гвардии. Атласные и бархатные жупаны и фезы всевозможных цветов – белые, жёлтые, красные, фиолетовые, литые золотые и серебряные пояса, сабли с отлично вычеканенными рукоятками, и с ножнами, осыпанными бирюзой и множеством драгоценных камней, брильянтовые пряжки на дорогих собольих шапках и золотая сбруя безостановочно в продолжение нескольких часов мелькали в глазах удивлённых французов.

Особенно поразила парижан ближайшая прислуга воеводы познанского. Она состояла из двадцати четырёх человек, ехавших на отличных арабских и турецких конях. Каждый из всадников, одетый в богатый наряд, имел за спиной лук и колчан, наполненный стрелами. В поезде участвовали также шесть герольдов или трубачей, они были одеты в гербовые цвета рода Опалинских и с гербами этой фамилии, вышитыми серебром и золотом. За герольдами два конюха вели под узды белого турецкого коня, на котором ездил ино-

гда сам воевода. Седло и чапрак на этом коне были отделаны золотом и множеством бирюзы; вся сбруя была из чистого золота; на лбу у коня сверкала большая рубиновая бляха, а широкая сбруя имела столько золотых кистей и золотой бахромы, что весь конь Опалинского, казалось, был покрыт золотой попоной, унизанной драгоценными камнями. Подковы коня были золотые.

Богатство поезда увеличивалось однако всё более и более, по мере того, как приближались послы. Наконец показался и сам Опалинский, как будто весь, с головы до ног, залитый в золото и обсаженный драгоценными камнями. У коня, на котором ехал теперь Опалинский, даже вся сбруя была отделана бриллиантами. Конь этот был приучен к тому, чтобы стать на колени при появлении королевской фамилии.

С жадным любопытством зевала толпа на все рябившие в её глазах богатства: что же касается собственно парижанок, то они засмотрелись не только на посольский поезд, но и на самого посла. Опалинскому было в это время с небольшим тридцать пять лет. Его важ-

ная осанка и лихая посадка на коне, приятный взгляд его больших чёрных глаз, выразительные черты и свежесть его лица, а также длинные, густые усы воеводы чрезвычайно понравились французенкам. За послами нескончаемой вереницей тянулись кареты и ехали французские и польские всадники. Поезд замыкался длинным рядом возов с вещами, принадлежавшими послам. Чтобы понять как огромен был весь этот поезд, надобно заметить, что хотя он вступил в Париж в самый полдень, но тянулся однако до самых поздних сумерек, так что когда послы проезжали около королевского дворца, на балконе которого сидел восьмилетний Людовик с своей матерью, то уже почти ничего не было видно.

В Париже для жительства послам был отведён вандомский дворец, владельцы которого были в ту пору изгнанниками. Первая аудиенция была назначена Опалинскому на другой день, т. е. 31 октября. Она происходила с чрезвычайной пышностью и здесь поляки изумили французов богатством своих нарядов.

Миновал длинный ряд великолепно убранных покоев, они вошли в аудиенц-залу. Здесь король и королева были окружены множеством придворных кавалеров и дам, которые в своих пёстрых и ярких нарядах казались полякам живыми цветами и из которых приглянулись им очень многие. Людовик XIV и его мать, сделав один шаг на встречу послам, благосклонно выслушали краткие речи, произнесённые епископом и воеводою, и приняли от них верительные грамоты, присланные Владиславом IV. После этого, королю и королеве были представлены знатные польские шляхтичи, сопровождавшие послов на аудиенцию.

По окончании аудиенции, послы отправились в неверский дворец, к королевской невесте. Окружённая множеством принцев и принцесс Бурбонского дома, Мария-Людовика чрезвычайно вежливо встретила послов у самых дверей залы. Опалинский подал ей письмо короля Владислава, а епископ варминский поднёс ей, от имени жениха, бриллиантовый крестик, на котором было между прочим шесть камней невероятной стоимости. При-

няв этот подарок, принцесса поручила стоявшему подле неё епископу оранскому поблагодарить послов и с большим вниманием выслушала их дальнейшие приветствия.

Мария-Людовика была в это время уже не первой молодости, ей было с лишком 33 года, но издавна распространившаяся в Польше молва о её редкой красоте оправдывалась ещё и доселе. Принцесса отличалась также кротостью характера, набожностью и благоразумием.

Откланявшись принцессе, послы удалились в вандомский дворец, а в воскресенье, 5-го ноября, была назначена свадьба. При этом случае нужно было представителю Владислава IV показать окончательно весь блеск своего огромного богатства. Опалинский с большим удовольствием готовился исполнить это, но к крайнему его огорчению брачный обряд должен был совершиться не с той пышностью, которую он ожидал встретить при этом торжестве. Свадьба будущей королевы польской была назначена не в соборной церкви и не в присутствии всего французского двора, как предполагал посол, но в неболь-

шой дворцовой капелле, и при том только в присутствии самых близких родственников королевской фамилии. Пан Криштоф, раздосадованный и обиженный этим распоряжением, требовал, чтобы брак будущей королевы польской был совершен в Париже с подобающим великолепием. Королева Анна уклонялась от этого настойчиво, приводя между прочим, как причину неизбежного отказа, то обстоятельство, что в случае торжественного бракосочетания Марии-Людовики в присутствии всего двора, между принцами и принцессами королевского дома непременно возникнет спор за первенство и что это дело не так легко будет уладить, как кажется со стороны. Королева-правительница находила по этому нужным – не допускать на свадьбе Марии-Людовики присутствия всех принцев и принцесс королевской крови, а при этом условии уже никак нельзя было совершить брачный обряд в соборной церкви и при том с тою пышностью, которой так неотступно домогался подставной жених.

Говорят, впрочем, что правительница, отказывая королеве польской в торжественном

бракосочетании, думала не о спорах принцев и принцесс за первенство, но совсем другое. Она хотела лишить супругу Владислава IV особенного почёта по иным причинам. Королева Анна была принцесса австрийского дома и ей было чрезвычайно неприятно, что король польский роднился теперь, посредством своего брака, с принцессой Мантуанской, не с её домом, а с домом Бурбонов, неприязненным в ту пору Австрии.

Мелочная, женская придирчивость королевы Анны к будущей супруге Владислава дошла даже до того, что она не позволила невесте надеть во время свадьбы королевскую мантию, между тем как самое платье принцессы было сшито так, что без мантии оно должно было казаться чрезвычайно некрасивым по своему покрою. Невеста видела необходимость покориться воле правительницы. Вследствие всего этого, на свадьбу будущей королевы польской собралось в дворцовую капеллу, вместе с польским посольством, не более двухсот человек. Вся пышность, весь блеск, которыми Опалинский хотел при этом случае поразить французов, были почти на-

прасны: для малого числа свадебных гостей, и при том составленного большей частью из своих же земляков, казалось пану Криштофу неуместным выказывать всё своё богатство и нести столько издержек, сколько понёс их обманувшийся воевода.

Епископ варминский служил обедню, после которой совершилось бракосочетание. Воевода познанский, в кунтуше из серебряной парчи, отороченном дорогими соболями, заступал место короля около невесты, одетой в бело-серебристое глазетовое платье. После брачного обряда, епископ надел на Марию-Людовику королевскую корону, а правительница повела молодую за руку в залу, где был приготовлен обеденный стол. Во время обеда, Опалинский, как представитель короля, сидел рядом с Марией-Людовикой.

Брак принцессы Мантуанской сопровождался в Париже балами. Вот как между прочим говорит о них записка одной очевидицы:

«Сегодня было при дворе большое угощение, на котором было всё, что только можно достать из разных краёв в настоящую пору года. Королева польская послала воеводе Опа-

линскому серебряный поднос, наложенный обсахаренными померанцами, лимонами и конфетами. Она сумела это сделать с особенною прелестью; я сидела поблизости польского посла, – продолжает г-жа Мотвиль, – и могла заметить с какой важностью и с каким равнодушием смотрел он и на всё наше общество и на всё наше великолепие.»

По окончании пиров Мария-Людовика отправилась в Польшу. Бывшая тогда война в Голландии, распространившаяся и по прибрежью Балтийского моря, заставила польскую королеву делать большие объезды с прямой дороги. В продолжение четырёх с половиною месяцев пробиралась она в Варшаву среди метелей и снегов, необыкновенно изобильных в ту зиму. Только 9 марта королева въехала в свою столицу. Увеличение и без того уже огромного польского посольства значительно свитою королевы чрезвычайно затрудняло всех ехавших. С королевой было отправлено из Парижа чрезвычайное посольство, главой которого была жена маршала де Габриака. Во всех городах и во всех местечках, через которые проезжала королева поль-

ская, её встречали приветственными речами, музыкой, пальбой из пушек, а иногда подносили ей даже и ключи от городских или крепостных ворот. Все эти встречи и празднества ещё более замедляли и расстраивали обратное путешествие поляков из Франции на родину. Нередко королеве приходилось останавливаться на ночлеге в тесной и сырой келье какого-нибудь убогого монастыря, а воеводе познанскому, епископам и другим членам посольства приходилось искать убежища в какой-нибудь придорожной хатке. Здесь пышный воевода, в ужасной тесноте, преспокойно раскладывался с своими товарищами на соломе и спал богатырским сном.

В Гамбурге встретил Марию-Людовику королевский дворянин, посланный с письмом от Владислава, который беспокоился о своей жене. Не получая долгое время от своих слов никаких известий, король не только не знал, где находится его невеста, но ему не было даже известно выехала ли она из пределов Франции; а между тем Марии-Людовике нужно было поспешить своим приездом в Варшаву, так как, если бы она не приехала туда до

14 февраля, т. е. до заговения, то приходилось бы отложить совершение второго её брака с королём до конца великого поста или нужно было бы просить у папы особого разрешения на совершение брака в постное время. Очевидно было однако, что при всём старании королевского дворянина ускорить поезд Марии-Людовики, она по краткости оставшегося времени никак не могла поспеть даже к самому крайнему сроку, так что самая удачная поездка должна была кончиться тем, что королева успела бы приехать перед заговением только в Данциг. Владислав сообразил это и потому захотел съехаться с Марией-Людовикой в этом городе, чтобы там самому обвенчаться с нею; но внезапные приступы жестокой подагры остановили короля на полдороге от Варшавы к Данцигу. С досадой король вернулся в свою столицу, сердясь на Опалинского за медленный привоз королевы.

Вернувшись в Варшаву, король послал к своей невесте посла с разными подарками, но здесь вышло обстоятельство, сильно огорчившее королеву. Королевский гонец вёз с собой множество шуб, шубок, меховых кофточек,

муфт и тёплых шапочек. Присылка таких вещей королю Марии-Людовике, в зимнюю стужу, явно показывала ей как заботился Владислав о своей будущей супруге. С большой признательностью приняла королева эти подарки; особенно ей понравилась пунцовая бархатная шубка с золотыми пуговками, подбитая горностаем. Едва только королева надела на себя шубку, как на одном из её рукавов оказался маленький билетик с надписью сделанной рукою Владислава – «Для пани Экенберг». Королева не без изумления обвела глазами окружавших её дам и кавалеров и сбросила с себя шубку. Вскоре злые языки подсказали королеве, что та, для которой была назначена эта шубка, была и моложе и пригоже королевы, и что ей уже принадлежало сердце Владислава.

Открытие этой оскорбительной тайны сопровождалось слезами и рыданиями Марии-Людовики. Король, узнав об этом происшествии, ещё более рассердился на пана Криштофа. По мнению короля, подставной супруг королевы был чрезвычайно виноват в том, что он не сумел скрыть грешки её насто-

ящего мужа. Такое воззрение Владислава на обязанность воеводы познанского вскоре подготовило последнему самую жестокую обиду, а обида эта отозвалась впоследствии даже и в делах государственных.

Не зная ничего о гневе Владислава, Опалинский продолжал ехать в Варшаву, лаская себя приятными надеждами на получение двух маршалств и богатых староств. Вскоре, однако, пан Криштоф разочаровался в своих розовых мечтах.

На границе владений курфирста бранденбургского, тогдашнего вассала Польши, встретила Марию-Людовику торжественная депутация. С изумлением увидел воевода познанский, что во главе этой депутации находится, с маршалским жезлом в руке, воевода поморский Денгоф, бывший его товарищ по посольству в Париж и успевший прежде Опалинского приехать в Варшаву. Явившись перед королевой, Денгоф подал ей свой маршалский жезл, украшенный брильянтами, и сказал королеве, что хотя звание маршала её двора и пожаловано ему королём, но что он почёл бы себя ещё более счастливым, если бы

её величеству угодно было из собственных рук передать ему знак маршальского сана.

Побагровел от гнева Опалинский; у него захватило дух в ту минуту, когда королева, не знавшая обещаний, сделанных Владиславом Опалинскому, с благосклонной улыбкой передала маршальский жезл его счастливому сопернику. Ясно было пану Криштофу, что теперь и все прочие обещания короля были ничего более, как только пустою приманкой.

С большой неохотой провожал теперь воевода познанский свою временную супругу и очень был рад, когда в Данциге, на смену ему, подъехал брат Владислава, Кароль. Воевода отъехал теперь на время в своё близлежавшее имение и только под самой Варшавой присоединился снова к поезду королевы.

Владислав успел между тем получить разрешение св. отца на совершение брака в течение поста, и потому, 11 марта, в костёле св. Яна, папский нунций обвенчал короля с Марией-Людовикой. По случаю поста не было никаких празднеств.

В благодарность же за посольство в Париж, король пожаловал Опалинскому богатое ко-

вельское поместье, в воеводстве волынском, и оставил за ним старóство, принадлежавшее его отцу, и таким образом щедро вознаградил издержки, понесённые Опалинским во время его посольства. Но не такой награды желал воевода познанский, богатый сам по себе и без королевских даров. Он не мог простить королю отдачу маршальского жезла Денгофу. Оскорблённый магнат удалился от двора в свои родовые поместья и поклялся в душе отомстить неблагодарному Владиславу при первом удобном случае.

Опалинский исполнил свою клятву.